УДК 94(575.2):303.446.4

ВЗГЛЯДЫ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПО ВОПРОСУ ВХОЖДЕНИЯ КЫРГЫЗСТАНА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Н.С. Эшимбекова

Осуществлен обзор некоторых знаковых трудов исследователей периода царской России, обосновавших, что с момента вхождения Кыргызстана в состав России начинается новый этап в истории кыргызского народа. Утверждение концепции прогрессивного значения добровольного присоединения по сей день проходит в атмосфере противостояния различных взглядов и концепций.

Ключевые слова: кыргызы; род; быт; идеология; экономика; политика; Туркестан; Средняя Азия; Россия.

КЫРГЫЗСТАНДЫН РОССИЯ ИМПЕРИЯСЫНЫН КУРАМЫНА КИРҮҮСҮ БОЮНЧА РОССИЯЛЫК ИЗИЛДӨӨЧҮЛӨРҮНҮН КӨЗ КАРАШТАРЫ

Н.С. Эшимбекова

Бул макалада Кыргызстандын Россиянын курамына кирген учурунан тартып кыргыз элинин тарыхынын жаңы этабы башталды деп негиздеген падышалык Россия мезгилиндеги изилдөөчүлөрдүн айрым белгилүү эмгектерине сереп салынды, ал эми ыктыярдуу кошулуунун прогрессивдүү мааниси тууралуу концепцияны ырастоо бүгүнкү күнгө чейин ар түрдүү көз караштардын жана концепциялардын карама-каршылыктарынын атмосферасында болууда.

Түйүндүү сөздөр: кыргыздар; уруу; турмуш-тиричилик; идеология; экономика; саясат; Түркистан; Орто Азия; Россия.

VIEWS OF THE RUSSIAN RESEARCHERS ON KYRGYZSTAN'S JOINING IN THE RUSSIAN EMPIRE

N.S. Eshimbekova

The review of some significant works of the researchers in the period of tsarist Russia, who proved that since the entry of Kyrgyzstan into Russia a new stage in the history of the Kyrgyz people begins, and the approval concept of progressive value of voluntary accession, to this day passes in atmosphere of confrontation in the different views and concepts.

Keywords: Kyrgyz; generation; life; ideology; economy; politics; Turkestan; Central Asia; Russia.

Известно, что научная полемика относительно вопросов вхождения Кыргызстана в состав Российской империи продолжается до сих пор. Эволюцию трансформации данного вопроса в работах историков можно разделить на три этапа, соответствующих идеологическому формату государства: 1) колониальный период; 2) советский период; 3) постсоветский период. Из-за ограниченного формата публикации мы рассмотрим некоторые наиболее знаковые труды исследователей периода царской России.

Согласно предложенной градации, к первому этапу мы относим работы русских военных, дипломатов, путешественников, царских военно-административных чиновников, представителей различных слоев русского общества, исследования которых были направлены на разработку правительственных мер по колонизации Туркестанского края, в том числе и Кыргызстана. Это целая плеяда исследователей, оставивших неоценимый след в изучении социально-экономической, политической и культурной сторон жизни Кыргызстана: А. Алексеев, В. Батраков, Ч.Ч. Валиханов, П.Г. Галузо, Н. Корытов, П.П. Кушнер, Б.В. Лунин, В.П. Наливкин, А.И. Макшеев, Н. Остроумов, П. Погорельский, П.П. Румянцев, Н.А. Северцев, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, А. Талызин, И.Л. Яворский и др.

В частности, И.Л. Яворский в своей публичной лекции и одноименной работе: «Средняя Азия. Культурные успехи и задачи в ней России» писал, что в последние годы эта отдаленная наша окраина (Средняя Азия) все более привлекает внимание периодической прессы, как и русское общество вообще. Более того, европейская пресса и образованный класс европейского общества интересуются нашею «жемчужиною в песчаной оправе» [1, с. 1]. Сюда направляются не только отдельные исследователи той или другой стороны жизни этой интересной страны, но и организуются целые ученые экспедиции.

Характеризуя в целом присоединение Средней Азии, П.П. Румянцев пишет, что 1730 г. считается датой потери кыргызами (казахами) политической самостоятельности и перехода их в русское подданство. «В период своего самостоятельного исторического существования киргизы поднялись лишь очень невысоко по лестнице политического и социального развития. Ко времени вступления киргизов в русское подданство у них наблюдалось полное господство патриархального родового строя (т. е. начало кровного родства)» [2, с. 14].

Вся экономическая и социальная жизнь сосредоточивалась вокруг своего рода: сородичи вместе кочевали и пасли свой скот, вместе устраивали баранты, отбивали нападения врагов, отправляли празднества и обряды, связанные с кругом жизни человека.

«Родами управляли патриархи – «аксакалы». «Аксакалы», бии (народные судьи) и батыры (выдающиеся воины) – были настоящими представителями киргизов, поскольку можно говорить о правительстве у варваров-номадов. Непосредственная власть их не распространялась далее их рода, и сказывалось на делах всей орды. Так, например, ханы для переговоров с русским правительством всегда посылал аксакалов и батыров» [2, с. 16]. Но наряду с родовым строем у киргизского народа наблюдались и зачатки феодальных отношений своеобразного азиатского характера. Изложив родовое деление кыргызов, Левшин отмечает: «Впрочем, все эти разделения относятся к простому народу; высший класс ведет особую родословную; а потому все киргизы разделяют себя на два разряда: на белую кость и черную кость. К белой кости относятся только ханы и потомки, носящие название султанов. Черная кость – это не только простой народ, но и старейшины и прочие начальники, не имеющие наследственного достоинства» [2, с. 16].

П.П. Румянцев замечает, что в древнем быту у кыргызов (а отчасти и современном) существовало три разряда людей, пользовавшихся уважением и влиянием среди народа: во-первых, влиятельные по годам аксакалы; во-вторых, влиятельные по знанию народных обычаев и умению судить бии; в-третьих, влиятельные благодаря храбрости и ловкости в набегах и грабежах (барантах) богатыри. Все они пользовались уважением и имели нередко сильное влияние на толпу. Но что характерно для кыргызской народности, что ни аксакалы, ни бии, ни батыры не могли сделаться ханом – для этого нужно было благородное происхождение (от белой кости) – только султан мог сделаться ханом кыргызов [2, с. 18].

П.П. Кушнер писал, что «…в каждом роду, одновременно выделялось по несколько манапов, которые подчиняли себе определенную территорию вместе с живущими в ее пределах людьми. Эти люди назывались букара, т. е. подданные» [3, с. 4]. П.П. Кушнер в отличие от П.П. Румянцева характеризовал общественный строй кыргызов как феодально-родовой. Вне всякого сомнения, что здесь мы наблюдаем некоторые отличия родоплеменного деления кыргызов и казахов, сформировавшиеся на рубеже XIX–XX вв.

П. Погорельский и В. Батраков выделяют более сложную социальную иерархию киргизов: «Чоң манапов, чала манапов, биев, аткаминеров, букары, жигитов, малаев» и др. [4, с. 191]. Данные авторы считали, что социально-экономические отношения в кыргызском аиле противоречивы и характеризуются феодальной эксплуатацией на основе капиталистической формы присвоения прибавочного труда.

П.Г. Галузо делает выводы, что «завоевание Средней Азии русскими мы должны рассматривать, прежде всего, как один из эпизодов того «расхвата» колоний, который падает на вторую половину XIX в. Здесь мы имели, конечно, значение и мотивы от стратегии, мотивы захвата выгодных стратегических позиций против Англии, но в то же время край и сам по себе представлял значительный интерес для русских господствующих классов, как будущая колония, объект эксплуатации» [5, с. 13]. И вне всякого сомнения данная точка зрения, по нашему мнению, является определяющей геополитическую ситуацию региона в рассматриваемый период.

В центре этих непосредственных экономических и политических интересов, лежал интерес сращивания государственных (имперских) и региональных элит А. Каульбарс писал о действительных целях продвижения и прокладывания вглубь Тянь-Шаня колесных путей: «С занятием нами страны Тянь-Шань явилась, прежде всего, необходимость фактически упрочить нашу власть среди буйных обитателей гор, кара-киргизов (черных) и прикрыть южную границу нашу с Джетышаром (Кашгарскими владениями) ... после произведенной в 1868 г. рекогносцировки, заложено было в долине

р. Нарына... укрепление... к которому направлялось вьючное караванное движение» [6, с. 162]. Быстрейшее налаживание путей сообщения в Семиреченском крае – на севере Киргизии и на юге, между Ферганой и Кашгаром – имело важное значение в политическом и торговом отношении для России. В то время единственным путем из Семиречья в Кашгар были одиночные караванные тропы.

«Продвижение в Среднюю Азию мы можем и должны, таким образом, прежде всего и, во-первых, рассматривать как одну из струй процесса «расхвата» колоний во вторую половину XIX в. Здесь были, конечно, и расчеты на ту выгодную стратегическую позицию против Англии; захват был в значительной мере захватом ради дальнейших захватов, но и сама Средняя Азия все же представляла для русских господствующих классов значительный интерес. Как колония, как объект эксплуатации» [6, с. 164].

Из отчета по расследованию дела о деятельности волостного управителя муллы Султана Кошева тайным советником Гирсом мы видим подтверждения данным словам. «…Кошев – царь и бог в своей волости, он покровительствует ворам, он отнимает землю и захватывает воду, он взыскивает деньги, когда и с кого ему захочется, он облагает население поборами, он заставляет население бесплатно для него работать, он делает, надо полагать, бесчисленное количество таких больших малых преступлений, о которых мы не знаем и узнать не можем. Словом, он живет, разоряет подвластную ему волость и «накопляет». И он действует не сам по себе, а под покровительством не только пристава, но даже и присланного для расследования старшего чиновника особых поручений при генерал-губернаторе. И получает он это покровительство только потому, что делится со своими покровителями добычей». Такими кошевыми одарила царская Россия Среднюю Азию. Разрушая господство и влияние старой знати, она в то же время выдвигала на сцену «чумазых», но зато «дельных» героев «первоначального накопления» [5, с. 34].

П.Г. Галузо также отмечает: «Для нас совершенно ясно теперь, что туземная администрация это паразитически эксплоататорский нарост на хозяйственном организме края. Этот нарост за «тамаши» и «селяу» великолепно обслуживал эксплуататорские интересы, как эксплуататоров русских, так и туземных, но в то же время он самым паразитическим образом высасывал соки из дехканского и скотоводческого хозяйства» [5, с. 34].

Обобщая перечисленные факты, П.Г. Галузо приходит к следующим выводам: «Туркестанский край к концу XIX в. окончательно превратился в колонию царской России. Это выразилось: во-первых, в типичном для колонии характере обмена с ее метрополией и, во-вторых, в том… что край начал давать России такой важный сырьевой продукт, как хлопок. Развитие хлопководства, после неудачных попыток пойти по пути фермерско-капиталистическому, пошло по линии развития мелкого хлопкового хозяйства. Русский торговый капитал стал хозяином над этим производством. Его эксплуатация при этом была настолько велика, что хлопковое хозяйство под прессом этой эксплуатации могло развиваться только экстенсивно. Хищническая эксплуатация хлопкороба русско-туземным торгово-ростовщическим капиталом законсервировала старую допотопную технику этого хозяйства еще на целый ряд десятилетий. Этим самым сохранилась техническая база для роста «азиатчины», чайрикерства, т. е. крепостничества. И очень важно, что за весь этот период почти не орошались новые земли. Русские использовали то, что уже было делано в этом отношении до их прихода» [5, с. 35].

Несмотря на явную идеологическую составляющею данной точки зрения, тем не менее, она достаточно полно иллюстрирует экономические взаимоотношения в регионе.

В дополнение к вышеизложенному мы приведем характеристику, данную В.И. Лениным, который писал: «Переселенческий фонд образуется путем вопиющего нарушения земельных прав туземцев, а переселение из России производится во славу все того же националистического принципа «русификации окраин» [7, с. 79]. Буржуазное разложение переселенческого крестьянства в колонии «далеко не завершилось, но оно происходило». Из районов выселения, писал В.И. Ленин, идет главным образом крестьянство среднего достатка, а на родине остаются главным образом крайние группы крестьянства. Переселенческая политика связывалась правительством с аграрным вопросом в России. Об этой связи В.И. Ленин отмечает: «Вся переселенческая политика самодержавия насквозь проникнута азиатским вмешательством заскорузлого чиновничества, мешавшего свободно устроиться переселенцам, вносившего страшную путаницу в новые земельные отношения, заражавшего ядом крепостнического бюрократизма центральной России окраинную Россию. Чтобы сельское хозяйство и центра, и окраин производительно развивалось, и чтобы была изжита «азиатчина» в аграрных отношениях колоний, необходима была ликвидация помещичьих латифундий» [7, с. 388–389].

Наибольший интерес представляют собой труды, написанные русскими исследователями, которые ставили целью специальное изучение тех или иных сторон жизни быта кыргызского народа, но

большинство из них интересовали природные богатства и производительные ресурсы Кыргызстана.

Передовые представители России призывали своих соотечественников изучать язык и проникать в характер народов, с которыми они имеют дело. «Лучшее и единственно верное средство проникнуть в характер народа, – писал К.Д. Ушинский, – усвоить его язык, и чем глубже вошли мы в язык народа, тем глубже вошли в его характер» [8, с. 561].

В.И. Липский писал: «Это близкое к природе племя, способное к культуре, живое, чуждое мусульманской инертности и мертвенности» [9, с. 144].

Однако отдельные русские исследователи обвиняли российскую политическую элиту и граждан России, оказавшихся за пределами своей страны в невежестве. К примеру, В.И. Ламанский писал в адрес царской администрации: «Вообще говоря, многие недостатки нашей образованности, нашей администрации, всей нашей полупраздной и сонной провинциальной жизни объясняются господствующим в провинциальном, да и столичном обществе равнодушием, пренебрежением и невежеством, часто весьма не нравственным презрением к инородцам, среди коих живут русские образованные люди иногда целые десятки лет, не научась ни одному из этих языков, не ознакомившись с местным населением...» [10, с. 157–158].

Н.А. Северцов утверждал: «Я впервые ознакомился с кара-киргизами... Они мне показались более опрятными, чем их описывают М.И. Венюков и Ч.Ч. Валиханов» [11, с. 80]. «Со стороны русских исследователей потрачено немало сил, чтобы ознакомиться с разнообразными сторонами природы и человеческой деятельности этой обширной страны. Можно без преувеличения сказать, что почти все существенно важное в научном исследовании этой страны исполнено, главным образом, трудами русских исследователей. Благодаря этим трудам за 25 лет Средняя Азия превратилась в настолько хорошо изученную страну, что по точности и богатству сведений она опередила многие местности, ставшие достоянием России гораздо раньше и занимающей более центральное положение в Российской империи, чем Средняя Азия» [11, с. 1–2].

Ж. Жакыпбеков отмечает, что «официальная литература досоветского периода объединена общей целевой установкой: защиты интересов русского царизма в среднеазиатском регионе, оправдания его колониальных устремлений. Тем не менее, с точки зрения фактической истории, эти работы достойны внимания: немалые источники введены в научный оборот, они знакомят нас с отношением авторов к неоднозначным событиям второй половины XIX – начала XX вв. истории Кыргызстана» [12, с. 6].

В исследованиях советского периода работы Ленина поставили перед советской историографией вопросы социально-экономической истории колоний России, в том числе и Туркестана. Необходимо было решить вопрос о социальных отношениях в Туркестане до его присоединения к империи, т. е.: 1) изучить изменения в экономике края, происшедшие в результате переселения; 2) остановиться на формах капитала, который проникал в Туркестан; 3) решить проблему перехода от феодальных и патриархально-феодальных отношений к капитализму. Особо вставал вопрос о тех явлениях в жизни местного и переселенческого трудового крестьянства, которые выдвигались азиатской переселенческой политикой правительства. Возникала необходимость изучения русской переселенческой деревни, местного оседлого кишлака и кочевого аула в их взаимосвязи, о взаимоотношениях местного и переселенческого трудового населения, о развитии промышленности, о возникновении и составе местного промышленного пролетариата, о взаимоотношениях различных национальных слоев рабочего класса.

Таким образом, утверждение концепции прогрессивного значения добровольного присоединения Кыргызстана к России проходило в атмосфере противостояния различных взглядов и концепций.

Резюмируя вышеизложенное, мы отмечаем, что с момента вхождения Кыргызстана в состав России начинается новый этап в истории кыргызского народа. Все дальнейшее социально-экономическое и политическое развитие кыргызов происходило под влиянием экономики и культуры России. Прогрессивные сдвиги в экономике и общественной жизни кыргызов нашли свое отражение в развитии всех сфер жизнедеятельности кыргызского народа. И данный период является одним из актуальных вопросов в истории современного Кыргызстана.

Литература

1. *Яворский И.Л.* Средняя Азия. Культурные успехи и задачи в ней России. Публичная лекция, читанная 19 марта 1893 г., в пользу попечительства о недостаточных студентах сего университета / И.Л. Яворский. Одесса: Типография Шт. Войск Одесского военного Округа, Тираспольская, № 14., 1893. 38 с.
2. Киргизский народ в прошлом и настоящем / сост. П.П. Румянцев // Переселенческое управление главного управления землеустройства и земледелия. СПб., 1910. 66 с.
3. *Кушнер П.П.* Горная Киргизия: Социологическая разведка / П.П. Кушнер. М.: Наука и просвещение, 1929. 135 с.

4. *Погорельский П.* Экономика кочевого аула Киргизстана / П. Погорельский, В. Батраков. М.: Совнарком КАССР, 1930. 361 с.
5. *Галузо П.Г.* Туркестан – колония: очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года / П.Г. Галузо. М.: Издание Коммунистического Университета трудящихся Востока имени И.В. Сталина, 1929. 164 с.
6. *Каульбарс А.* Туркестанский сборник. Колесный путь через Тянь-Шань / А. Кваульбарс // Русский инвалид. 1873. № 45. С. 161–165.
7. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. М.: Политическая литература, 1968. Изд. 5. Т. 18. 525 с.
8. *Ушинский К.Д.* Собрание сочинений / К.Д. Ушинский. Т. 2. Педагогические статьи 1857–1861. М. – Л.: Академия педагогических наук, 1948. 655 с.
9. *Липский В.И.* По горным областям русского Туркестана (Тянь-Шаня) / В.И. Липский. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1906. 153 с.
10. *Остроумова Н.* Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае / Н. Остроумова // Журнал Мин. нар. просв. Нов. сер. Ч. I. СПб., янв. 1906. С. 157–160.
11. *Северцов Н.А.* Путешествие по Туркестанскому краю / Н.А. Северцов. М., 1947. 461 с.
12. *Жакыпбеков Ж.* Социально-экономическое и политическое развитие Кыргызстана во второй половине XIX – начала XX веков: историография проблемы / Ж. Жакыпбеков. Бишкек: КНУ, 2003. 288 с.